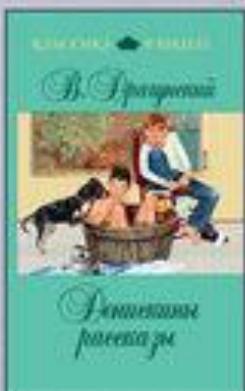

Виктор Драгунский

Арбузный переулок

Часть сборника
Денискины рассказы (сборник)

Драгунский В. Арбузный переулок

Я пришел со двора после футбола усталый и грязный как не знаю кто. Мне было весело, потому что мы выиграли у дома номер пять со счетом 44:37. В ванной, слава богу, никого не было. Я быстро сполоснул руки, побежал в комнату и сел за стол. Я сказал:

— Я, мама, сейчас быка съесть могу.

Она улыбнулась.

— Живого быка? — сказала она.

— Ага, — сказал я, — живого, с копытами и ноздрями!

Мама сейчас же вышла и через секунду вернулась с тарелкой в руках. Тарелка так славно дымилась, и я сразу догадался, что в ней рассольник. Мама поставила тарелку передо мной.

— Ешь! — сказала мама.

Но это была лапша. Молочная. Вся в пенках. Это почти то же самое, что манная каша. В каше обязательно комки, а в лапше обязательно пенки. Я просто умираю, как только вижу пенки, не то чтобы есть. Я сказал:

— Я не буду лапшу!

Мама сказала:

— Безо всяких разговоров!

— Там пенки!

Мама сказала:

— Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? Ты на кого похож? Ты вылитый Кощей!

Я сказал:

— Лучше убей меня!

Но мама вся прямо покраснела и хлопнула ладонью по столу:

— Это ты меня убиваешь!

И тут вошел папа. Он посмотрел на нас и спросил:

— О чем тут диспут? О чем такой жаркий спор?

Мама сказала:

— Полюбуйся! Не хочет есть. Парню скоро одиннадцать лет, а он, как девочка, капризничает.

Мне скоро девять. Но мама всегда говорит, что мне скоро одиннадцать. Когда мне было восемь лет, она говорила, что мне скоро десять.

Папа сказал:

— А почему не хочет? Что, суп пригорел или пересолен?

Я сказал:

— Это лапша, а в ней пенки...

Папа покачал головой:

— Ах вот оно что! Его высокоблагородие фон барон Кутыкин-Путыкин не хочет есть молочную лапшу! Ему, наверно, надо подать марципаны на серебряном подносе!

Я засмеялся, потому что я люблю, когда папа шутит.

— Это что такое — марципаны?

— Я не знаю, — сказал папа, — наверно, что-нибудь сладенько и пахнет одеколоном. Специально для фон барона Кутыкина-Путыкина!.. А ну давай ешь лапшу!

— Да ведь пенки же!

— Заелся ты, братец, вот что! — сказал папа и обернулся к маме. — Возьми у него лапшу, — сказал он, — а то мне просто противно! Кашу он не хочет, лапшу он не может!.. Капризы какие! Терпеть не могу!..

Он сел на стул и стал смотреть на меня. Лицо у него было такое, как будто я ему чужой. Он ничего не говорил, а только вот так смотрел — по-чужому. И я сразу перестал улыбаться — я понял, что шутки уже кончились. А папа долго так молчал, и мы все так молчали, а потом он сказал, и как будто не мне и не маме, а так кому-то, кто его друг:

— Нет, я, наверно, никогда не забуду эту ужасную осень, — сказал папа, — как невесело, неуютно тогда было в Москве... Война, фашисты рвутся к городу. Холодно, голодно, взрослые все ходят нахмуренные, радио слушают ежечасно... Ну, все понятно, не правда ли? Мне тогда лет одиннадцать-двенадцать было, и, главное, я тогда очень быстро рос, тянулся вверху, и мне все время ужасно есть хотелось. Мне совершенно не хватало еды. Я всегда просил хлеба у родителей, но у них не было лишнего, и они мне отдавали свой, а мне и этого не хватало. И я ложился спать голодный, и во сне я видел хлеб. Да что... У всех так было. История известная. Писано-переписано, читано-перечитано...

И вот однажды иду я по маленькому переулку, недалеко от нашего дома, и вдруг вижу — стоит здоровенный грузовик, доверху заваленный арбузами. Я даже не знаю, как они в Москву попали. Какие-то заблудшие арбузы. Наверно, их привезли, чтобы по карточкам выдавать. И наверху в машине стоит дядька, худой такой, небритый и беззубый, что ли, — рот у него очень втянулся. И вот он берет арбуз и кидает его своему товарищу, а тот — продавщице в белом, а та — еще кому-то четвертому... И у них это ловко так цепочкой получается: арбуз катится по конвейеру от машины до магазина. А если со стороны посмотреть — играют люди в зелено-полосатые мячики, и это очень интересная игра. Я долго так стоял и на них смотрел, и дядька, который очень худой, тоже на меня смотрел и все улыбался мне своим беззубым ртом, славный человек. Но потом я устал стоять и уже хотел было идти домой, как вдруг кто-то в их цепочке ошибся, загляделся, что ли, или просто промахнулся, и пожалуйте — трях!.. Тяжеленный арбузище вдруг упал на мостовую. Прямо рядом со мной. Он треснул как-то криво, вкось, и была видна белоснежная тонкая корка, а за нею такая багровая, красная мякоть с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середки. И вот тут, когда я увидел эту чудесную мякоть и брызги арбузного сока и когда я почуял этот запах, такой свежий и сильный, только тут я понял, как мне

хочется есть. Но я отвернулся и пошел домой. И не успел я отойти, вдруг слышу — зовут:

«Мальчик, мальчик!»

Я оглянулся, а ко мне бежит этот мой рабочий, который беззубый, и у него в руках разбитый арбуз. Он говорит:

«На-ка, милый, арбуз-то, тащи, дома поешь!»

И я не успел оглянуться, а он уже сунул мне арбуз и бежит на свое место, дальше разгружать. И я обнял арбуз и еле доволок его до дому, и позвал своего дружка Вальку, и мы с ним оба слопали этот громадный арбуз. Ах, что это была за вкуснота! Передать нельзя! Мы с Валькой отрезали большущие кусищи, во всю ширину арбуза, и когда кусали, то края арбузных ломтей задевали нас за уши, и уши у нас были мокрые, и с них капал розовый арбузный сок. И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы. Если по такому животу щелкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана. И об одном только мы жалели, что у нас нет хлеба, а то бы мы еще лучше наелись. Да...

Папа отвернулся и стал смотреть в окно.

— А потом еще хуже — завернула осень, — сказал он, — стало совсем холодно, с неба сыпал зимний, сухой и меленький снег, и его тут же сдувало сухим и острым ветром. И еды у нас стало совсем мало, и фашисты все шли и шли к Москве, и я все время был голодный. И теперь мне снился не только хлеб. Мне еще снились и арбузы. И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику, и я прямо уже ни о чем не мог думать, кроме еды. И я позвал Вальку и сказал ему:

«Пойдем, Валька, сходим в тот арбузный переулок, может быть, там опять арбузы разгружают, и, может быть, опять один упадет, и, может быть, нам его опять подарят».

И мы закутались с ним в какие-то бабушкины платки, потому что холодюга был страшный, и пошли в арбузный переулок. На улице был серый день, людей было мало, и в Москве тихо было, не то что сейчас. В арбузном

переулке и вовсе никого не было, и мы стали против магазинных дверей и ждем, когда же придет грузовик с арбузами. И уже стало совсем темнеть, а он все не приезжал. Я сказал:

«Наверно, завтра приедет...»

«Да, — сказал Валька, — наверно, завтра».

И мы поили с ним домой. А назавтра снова пошли в переулок, и снова напрасно. И мы каждый день так ходили и ждали, но грузовик не приехал...

Папа замолчал. Он смотрел в окно, и глаза у него были такие, как будто он видит что-то такое, чего ни я, ни мама не видим. Мама подошла к нему, но папа сразу встал и вышел из комнаты. Мама пошла за ним. А я остался один. Я сидел и тоже смотрел в окно, куда смотрел папа, и мне показалось, что я прямо вот вижу папу и его товарища, как они дрогнут и ждут. Ветер по ним бьет, и снег тоже, а они дрогнут и ждут, и ждут, и ждут... И мне от этого просто жутко сделалось, и я прямо вцепился в свою тарелку и быстро, ложка за ложкой, выхлебал ее всю, и наклонил потом к себе, и выпил остатки, и хлебом обтер донышко, и ложку облизал.

Козлов Сергей Геннадьевич
«Необыкновенная весна».

Это была самая необыкновенная весна из всех, которые помнил Ёжик.

Распустились деревья, зазеленела травка, и тысячи вымытых дождями птиц запели в лесу.

Всё цвело.

Сначала цвели голубые подснежники. И пока они цвели, Ёжику казалось, будто вокруг его дома — море, и что стоит ему сойти с крыльца — и он сразу утонет. И поэтому он целую неделю сидел на крыльце, пил чай и пел песни.

Потом зацвели одуванчики. Они раскачивались на своих тоненьких ножках и были такие жёлтые, что, проснувшись утром и выбежав на крыльцо, Ёжик подумал, что он очутился в жёлтой-прежёлтой Африке.

«Не может быть! — подумал тогда Ёжик. — Ведь если бы это была Африка, я бы обязательно увидел Льва!»

И тут же юркнул в дом и захлопнул дверь, потому что прямо против крыльца сидел настоящий Лев. У него была зелёная грива и тоненький зелёный хвост.

— Что же это? — бормотал Ёжик, разглядывая Льва через замочную скважину.

А потом догадался, что это старый пень выпустил зелёные побеги и расцвёл за одну ночь.

— Всё цветёт! — выходя на крыльцо, запел Ежик.

И взял свою старую табуретку и поставил её в чан с водой.

А когда на следующее утро проснулся, увидел, что его старая табуретка зацвела клейкими берёзовыми листочками.

Мориц Юнна Петровна «Домик с трубой».

Помню я, в детстве
Над нашей избой
В небо струился
Дымок голубой,

Чурки пылали
За дверцей в печи
И раскаляли огнём
Кирпичи,

Чтобы держался
Наш домик в тепле,
Пшённая каша
Томилась в котле!

И, напевая,
Летел в дымоход
Дым, согревая
Зимой небосвод.

Очень мне нравился
Фокусник-дым,
Он развлекал меня
Видом своим,

Он превращался
В дракона, в коня,
Он заставлял
Волноваться меня!

Мог он построить
Над нашей трубой
Царство любое
И город любой,

Всякое чудище
Мог победить,
Чтоб не повадилось
Людям вредить!

Жалко, что этот
Дымок голубой

В сказку отправился
Вместе с трубой!

Чтобы теперь
У него побывать,
Надо картинку
Нарисовать:

Домик с трубой,
Домик с трубой,
В небо струится
Дымок голубой!

Бианки В.В. Как муравьишко домой спешил

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишко сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат, — все домой бегут. Сядет солнце, — муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней, да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк-червяком, только спереди — ножки и сзади — ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

— Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну садись, подвезу.

Муравьишко вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост — к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишко то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше! — кричит. — Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишко слез, еле отдохнул.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги, как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишкы замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

— Слезай, — говорит. — Вот Жужелица бежит, она резвей меня. Слез Муравьишка.

— Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит Жужелица. — Не с моими ногами по картофельным грядам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишкы — лес густой. Тут и со здоровыми ногами — целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

— А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскакем. Обернулся Муравьишка — стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, — а они у него, как пружинки складные, — да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнецика попроси: он может.

— Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — сказал Кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплыvёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках. Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

— Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

— Миленький, шибче! — просит Муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает- Муравьишка.

— По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

— Гляди, — говорит Водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускакешь? Всё-таки послушался Водомера.

— Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишко Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит Муравьишко, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» — поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх — выше леса.

Муравьишко сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ — у Муравьишко даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» — несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и — шлёт! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился Муравьишко. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, — не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишко вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась, — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа — и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит — крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопочут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли — один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк — и домой!

Тут и солнышко зашло.

В.В. Бианки Лесные домишки

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак ее догнать нельзя было — от всех увертывается.

Погонится за ней пятнашка, а она — туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь — только крыльшки мелькают.

Вдруг — откуда ни возьмись — Чеглок-Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все — врассыпную, кто куда, — мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшная пятнашка Чеглок-Сокол.

Летела, летела Береговушка — из сил выбилась.

Обернулась назад — никого сзади нет. Кругом оглянулась, — а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз — внизу река течет. Только не своя — чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха?

А уж вечер был — ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо нее по песку желтая птичка с черным галстуком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у желтой птички:

— Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

— А ты чья? — спрашивает желтая птичка у Береговушки.

— Не знаю, — отвечает Береговушка.

— Трудно же будет тебе свой дом разыскать! — говорит желтая птичка. — Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуек. А дом у меня вот тут — рядом.

Зуек пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

— Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка — кругом песок да галька, а дома никакого нет.

— Неужели не видишь? — удивился Зуек. — Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

— Ну, что же ты? — спрашивает Зуек. — Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, еще хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

— Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки.

— Жаль, что не привыкла! — говорит Зуек. — Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и очуй.

— Вот спасибо! — обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

— Ночуй, если тебе моя хата нравится, — говорит Витютень. А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето, — весь в дырях. Просто прутики на ветви накиданы как попало. На прутиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

— У вашего дома, — говорит она Витютню, — один пол, даже стен нет. Как же в нем спать?

— Что же, — говорит Витютень, — если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У нее тебе понравится.

И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой березе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще березы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот наконец увидела: висит на березовой ветке крошечный легкий домик. Такой уютный домик, и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! — подумала Береговушка. — Даже мне в нем не поместиться».

Только она хотела постучаться, — вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали — сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зеленой листвы.

Вот что-то золотое и черное блеснуло у нее перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с черными крыльями.

— Куда ты спешишь, маленькая? — кричит золотая птица Береговушке.

— Иволгин дом ищу, — отвечает Береговушка.

— Иволга — это я, — говорит золотая птица. — А дом мой вот здесь, на этой красивой березе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает.

Сперва она ничего различить не могла: все только зеленые листья да белые березовые ветви. А когда всмотрелась, — так и ахнула.

Высоко над землей к ветке подвешена легкая плетеная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затейливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой березовой кожурки.

— Ух! — говорит Береговушка Иволге. — Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня все перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, ее ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

— Ступай к Пеночке! — обиженно говорит ей золотая Иволга. — Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у нее в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Желтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой березой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился ее шалашик из сухой травы и мха.

«Вот славно-то! — радовалась она. — Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала Береговушку укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепенулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

— Это кони в рощу скачут.

— А выдержит ваша крыша, — спрашивает Береговушка, — если конь на нее копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

— Ох, как страшно тут! — сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. — Тут я всю ночь глаз не сомкну: все буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

— Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, — догадалась Пеночка. — У нее дом не на дереве — ветер его не сдует, да и не на земле — никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

— Хочу, — говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большеголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простились и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плывет по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи — ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые легкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своем суденышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

— А ты не боишься спать на волнах? — спрашивает ее Чомга.

— А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

— Мой дом — не пароход, — говорит Чомга. — Куда ветер гонит его, туда он и плывет. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

— Боюсь... — прошептала маленькая Береговушка. — Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

— Вот, — говорит, — какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет без слез: слезами птицы не умеют плакать.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит теплый, мягкий.

«Вот хороший дом, — думает она, — прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

— Впустите, пожалуйста, хозяйка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с желтыми зубами. Да как зарычит страшилище:

— С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, — сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки наутек!

Летела-летела — из сил выбилась. Обернулась назад — никого сзади нет. Кругом оглянулась, — а место знакомое. Посмотрела вниз — внизу река течет.

Своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда — вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве — дырки, дырки, дырки. Это все ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

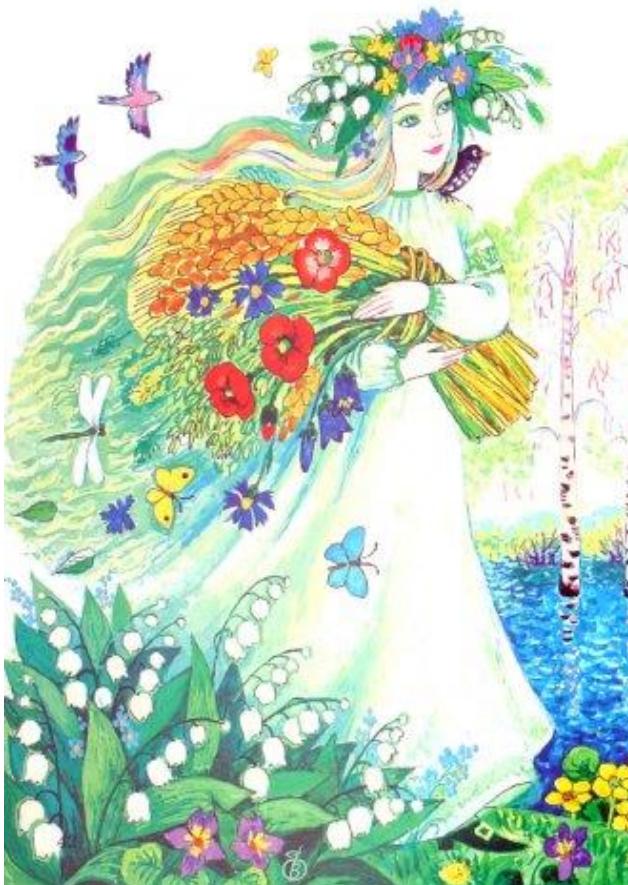
Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала ее мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой теплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

«Иди весна, иди, красна»...

Иди, весна, иди, красна,
Принеси ржаной колосок,
Овсяной снопок,
Большой урожай в наш край!

Солнышко,
Колоколышко,
Ты пораньше взойди,
Нас пораньше разбуди:
Нам в поля
Бежать,
Нам весну
Встречать!

К. Д. Ушинский

Ласточка

Ласточка-касаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глинкой лепила, гнёздышко вила.

Свила себе гнёздышко: яички носила.

Нанесла яичек: с яичек не сходит, деток поджидает.

Высидала детушек: детки пищат, кушать хотят.

Ласточка-касаточка день-деньской летает, покою не знает: ловит мошек, кормит крошек.

Придёт пора неминучая, детки оперяются, все вроздь разлетятся, за синие моря, за тёмные леса, за высокие горы.

Ласточка-касаточка не знает покою: день-деньской всё рыщет — милых деток ищет.

М. Алехина

Обиженная мебель — терапевтическая сказка

Жила — была девочка Света. Ей недавно исполнилось шесть лет. И мама с папой решили, что пора уже дочке в своей, отдельной комнате жить. Скоро в школу, нужно привыкать к самостоятельности. Сделали ей в комнате ремонт, мебель поставили новую — и кроватку красивую, мягкую, и шкаф, и тумбочку! Живи, и радуйся! Только вот Света привыкла спать с родителями и ни в какую не соглашалась уходить.

— Страшно мне одной — говорит. — Бабу Ягу боюсь! И скучно!

Страшно ей, конечно, не было, поскольку была Света девочкой уже большой и умной, и знала, что Баба Яга только в сказках бывает. А дома только родители могут быть и больше никого. А всякие там стуки и шорохи — всему этому объяснение есть какое-то. Или у соседей что-то упало, или на улице кошка мяукнула.

Но признаваться она родителям в этом не хотела. Пусть лучше думают, что ей страшно, подольше с ними спать можно будет.

Игрушки и одежду Света тоже пока не переносила в свой новый, красивый шкафчик. Перенесешь, так ведь и самой перебираться нужно будет. А тут еще одна причина — одежда в родительской комнате, значит, и Свете самое место тут!

Сидит как-то раз девочка в комнате родителей, дверь закрыла, с куклами играет. Папа с мамой в магазин ушли. Слышит, стучит кто-то в дверь.

— Странно-думает Света, — Что это родители вдруг стучать надумали? Комната-то их, все-таки!

— Заходите! — крикнула она.

За дверью — тишина, а потом снова- стук.

Подошла девочка к двери, открывает ее — нет никого! Только что-то изменилось в прихожей... Вот оно что! Тумбочка из новой Светиной комнаты теперь в прихожей стоит!

— И зачем родители сюда тумбочку вынесли? — подумала девочка. — И кто это в дверь стучал — не понятно. Мама с папой не вернулись еще. Видимо, показалось — решила она. Закрыла дверь и пошла к своим куклам. Не успела Света отойти, как снова раздался стук. Она открыла дверь — никого нет! Но рядом с тумбочкой в коридоре, около входной двери, теперь и шкаф стоял!

Девочка вышла из комнаты и подошла к мебели. Она удивленно смотрела на шкаф, не понимая, как он за минуту мог перенестись из ее комнаты в прихожую!

— Как странно! — проговорила она.

— Что же тут странного? Мы тебе не нужны, не хочешь с нами жить, пользоваться нами, так мы себе другую хозяйку найдем! — раздался голос из шкафа.

— А кто вы такие? — изумленно спросила Света. Она открыла шкаф — внутри было пусто.

— Кто мы такие? Вот те раз! Ты слышишь, соседка? Она даже нас не знает! — снова сказал голос из шкафа.

— Слышу, конечно! Значит, правильно мы решили, что нужно нам хозяйку поменять! — произнес уже другой голос, и шел он из тумбочки!

-Это что, мебель со мной разговаривает? – не верила своим ушам Света.
-Мебель, мебель! – сказал шкаф. – Которая уходит от тебя!
-Как это вы уходите? Куда? Я сама вас выбирала, вон вы какие красивые!
-А что же ты нами не пользуешься, если мы такие красивые? Нам скучно и грустно оттого, что мы никому не нужны! – проговорила кровать, которая тоже уже появилась в коридоре.
-Я больше так не буду! Я же не знала, что вы без меня грустите и скучаете!
-Ну, если не будешь, пожалуй, мы останемся! – сказала тумбочка.
-А ты сегодня будешь на мне спать? — уточнила кровать. – А то я так совсем рассохнусь. – И жалобно вздохнула.
-Обязательно! И спать на тебе буду, и игрушки свои с одеждой прямо сейчас в шкаф перенесу! А в тумбочку – альбомы с карандашами!

Света бросилась в комнату родителей и принялась собирать свои вещи и игрушки. Когда она оттуда вышла, вся мебель в ее детской комнате уже стояла на месте!

Девочка аккуратно повесила одежду в новый шкаф, закрыла его дверцы и погладила. — Не сердись, шкафчик, на меня, я теперь постоянно буду тобой пользоваться и стараться поддерживать в тебе порядок!

Тумбочку Света заботливо протерла сверху тряпочкой от пыли и положила в нее свои альбомы.

Кровать застелила чистой постелькой, а сверху накрыла красивым покрывалом.

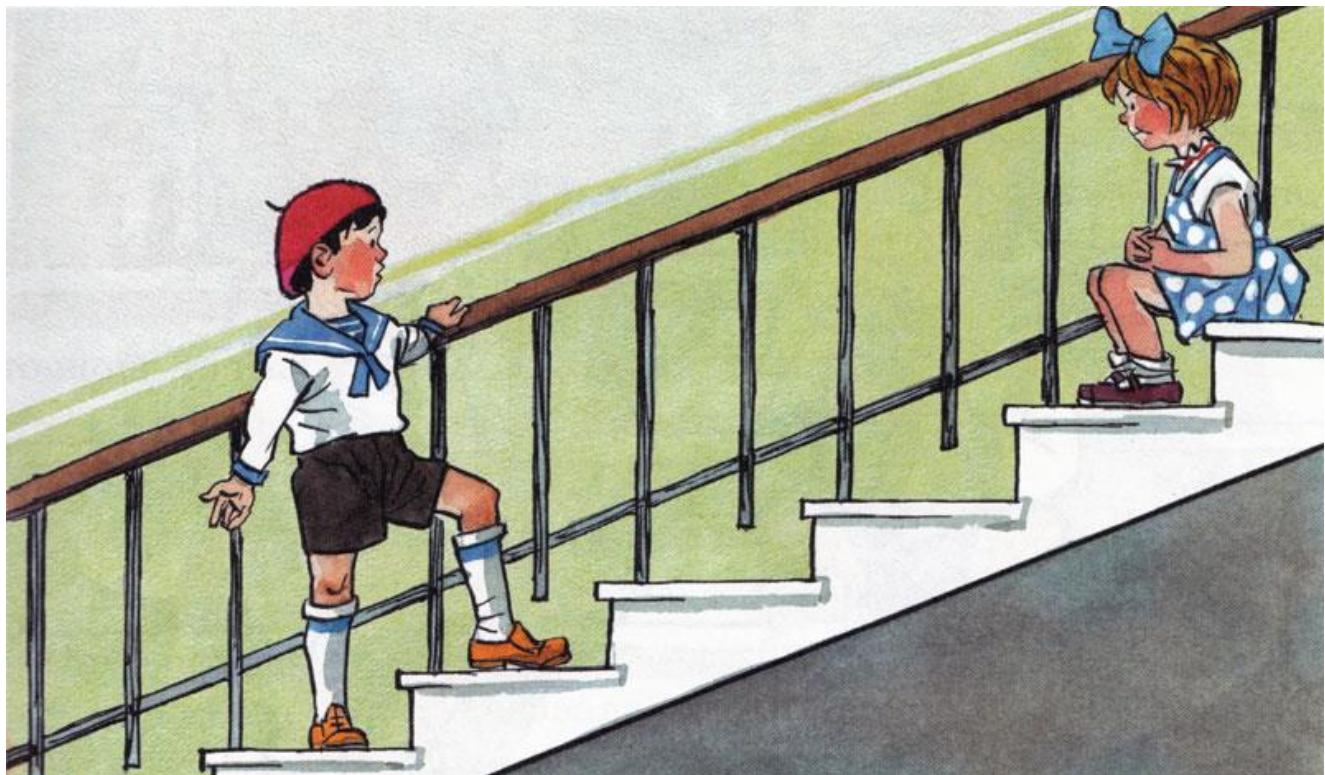
Когда родители вернулись из магазина, то застали дочку крепко спящей на своей кроватке в детской комнате.

Больше Света никогда не обижала свою мебель. Да и спать в своей комнате, где только ее вещи, оказалось намного приятнее! И совсем не скучно! Ведь кроватка показывала ей ночью невероятные, волшебные, сказочные сны!

Н. Носов Ступеньки

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошел он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

— А я уже считать умею! — похвастался Петя. — В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Ну, чего ж ты остановился? — спрашивает Валя.

— Погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню,

— Ну, вспоминай, — говорит Валя.

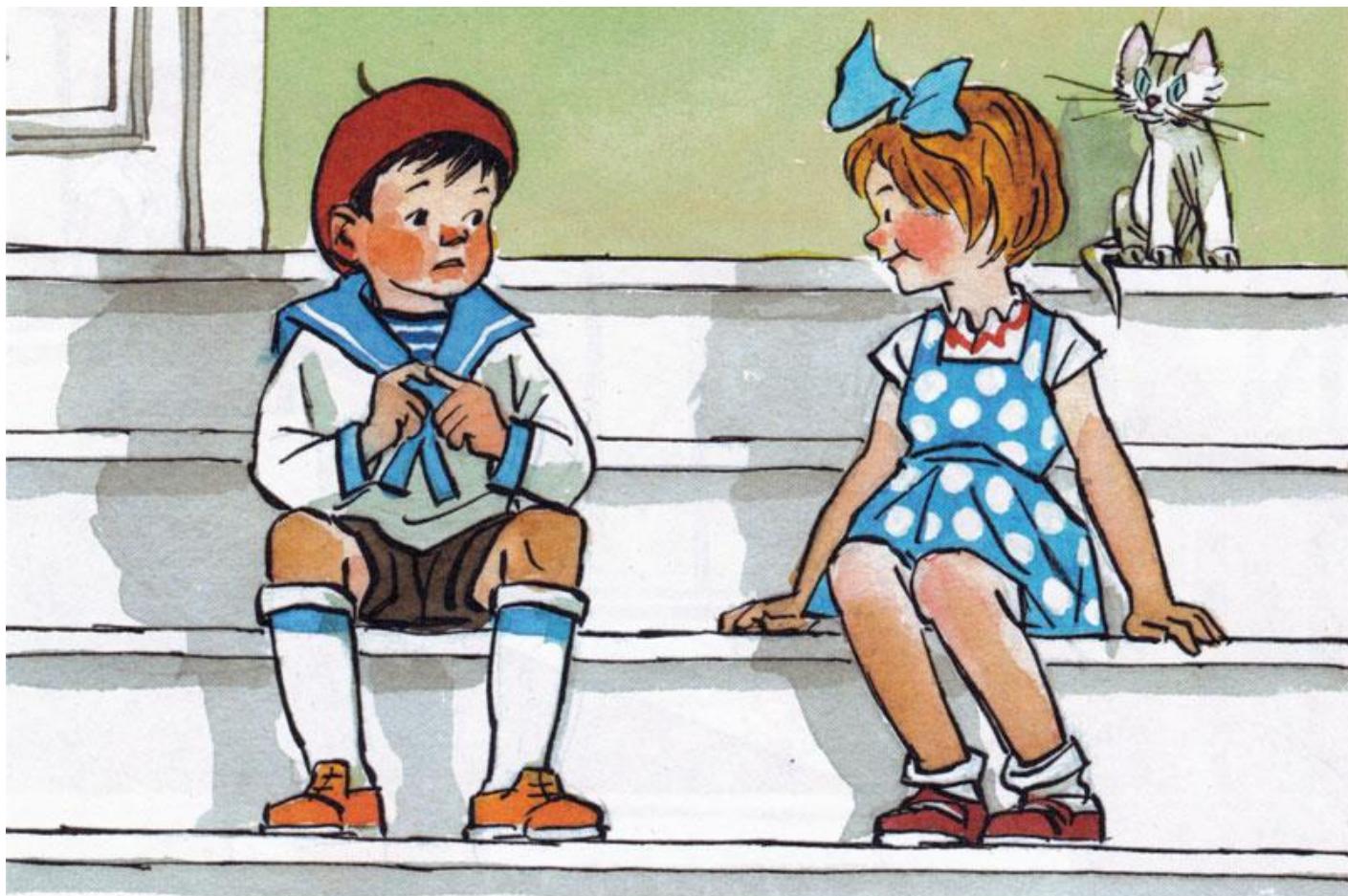
Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

— Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнем сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

— Одна, — говорит Петя, — две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Валя.

— Забыл! Как же это! Только что помнил я вдруг забыл! Ну-ка, еще попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Валя.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придется опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Валя. — Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

— Не хочешь — не надо, — ответил Петя. — А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

- Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.
- А дальше шесть, — сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя все ступеньки считает:

- Одна, две, три, четыре, пять...
- Шесть! — шепчет Валя. — Шесть! Шесть!
- Шесть! — обрадовался Петя и пошел дальше. — Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошел до дому, потому что научился только до десяти считать.

Николай Сладков «Весенние радости»

Март

Голубой месяц март. Голубое небо, снега голубые. На снегах тени - как синие молнии. Голубая даль, голубые льды. Голубые на снегу следы. Голубые перелески, голубые канавы. Первые голубые лужи и последние голубые сосульки. А на горизонте - синяя полоска далёкого леса. Весь мир голубой!

В марте горят снега: всё усыпано солнечной сверкающей пылью. Снежное сияние обжигает лицо. На мартовском солнце даже деревья загорают. Тонкие ветви берёз становятся бронзовыми, а заросли ольхи - лиловыми.

Днём на солнце капель. Ночью - звонкий мороз.

А на рассвете - морозный пар. Белые берёзы в седой дымке. Как будто это пар от тёплого их дыхания, как будто берёзы дышат.

Март голубой на дворе — пора яркого солнца и полосатых снегов; зиме - конец, а весне - начало.

Ожеледь

Слышно было, как уходил ночью из леса мороз. Он стучал клюкой по деревьям всё тише, всё дальше.

Я вышел во двор и долго стоял, вглядываясь и вслушиваясь. В воздухе плыл шорох. Уху знакомо шуршание трав, кустов и ветвей. Но сейчас шуршало ни на что не похоже. Казалось, шуршит сам воздух. Шуршит и чуть слышно позванивает.

На смену морозу пришла оттепель.

Я вытянул в темноту ладонь. В ладонь стали покалывать крохотные иголочки. Ничего было не видно, но что-то творилось в лесу.

Утром все увидели: снег заковала хрустящая глазурная корочка. Ветви берёз и хвоя сосен оделись в стеклянные чехольчики. Всё похрустывает и позванивает, как обёрнутое в скрипучий целлофан. Стены, заборы оплыли матово-голубым льдом.

Сыплет мелкая водяная пыль. Невидимые капельки, не долетая до земли, замерзают в льдинки. Льдинок тоже не видно, но слышно: шорох и звон!

Сыпучий снег стал гремучим. Глазурная корочка с грохотом проваливается и рушится под сапогом. В проломах - белые битые черепки.

Всё шуршит, хрустит и звенит. Звонкий весенний денёк!

Следы

Лыжи по насту, как по льду, скользят: не иду, а лечу. Да ещё ветер в спину, прямо хоть с зайцами наперегонки! А вот лесных жителей, кто без лыж, наст не держит. Лоси без лыж, кабаны без лыж - проваливаются. Зайцы- беляки, правда, держатся: лапы у них что твои снегоступы. Эти и без наста по снегу пройдут.

Хуже всего лосям, по колено вязнут, но зато какие следы! Пересекаю лосиный след и глазам не верю: следы-то жёлтые! Чере́да ям в снегу, и у каждой донышко почему-то жёлтое. Сую руку по локоть - полная горсть еловых семян! Еловые шишки сейчас семена высыпают, ветер их по насту метёт, как золотую позёмку, и наметает во все ямы и углубления. И конечно, в глубокие следы лосей.

Следы лосей - как чаши, наполненные семенами. Прилетайте на угощение птицы - не надо гоняться за каждым семечком. Прибегайте, семеноеды-зверьки, - лес встречает вас хлебом-солью.

А растает снег - семена осядут на влажную землю и прорастут. И поднимется странная поросль - цепочка еловых пучков! Как память о лосе, который с трудом прокладывал по снегу путь.

Ничто не исчезает в лесу бесследно. Даже следы...

Зимние долги

Расчирикался Воробей на навозной куче — так и подскакивает! А Ворона как каркнет противным голосом:

- Чему, Воробей, возрадовался, чего расчирикался?

- Крылья зудят, Ворона, нос чешется, - отвечает Воробей. - Страсть драться охота!

А ты тут не каркай, не порть мне весеннего настроения!

- А вот испорчу! — не отстаёт Ворона. - Как задам вопрос!

- Во напугала!
- И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?
- Клевал.
- А зёрна у скотного двора подбирал?
- Подбирал.
- А в птичьей столовой у школы обедал?
- Спасибо ребятам, подкармливали.
- То-то! - надрывается Ворона. - А чем ты за всё это расплачиваться думаешь?

Своим чик-чириканьем?

- А я один, что ли, пользовался? - растерялся Воробей. - И Синица там была, и Дятел, и Сорока, и Галка. И ты, Ворона, была...

- Ты других не путай! - хрипит Ворона. — Ты за себя отвечай. Брал в долг - отдавай! Как все порядочные птицы делают.

- Порядочные, может, и делают, - рассердился Воробей. - А вот делаешь ли ты, Ворона?

- Я раньше всех расплачусь! Слышишь, в поле трактор пашет? А я за ним из борозды всяких корнеедов и корне-грызов выбираю. И Сорока с Галкой мне помогают. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

- Ты тоже за других не ручайся! - упирается Воробей. - Другие, может, и думать забыли.

Но Ворона не унимается:

- А ты слетай да проверь!

Полетел Воробей проверять. Прилетел в сад - там Синица в новой дуплянке живёт.

- Поздравляю с новосельем! — Воробей говорит. - На радостях-то, небось, и про долги забыла!

- Не забыла, Воробей, что ты! - отвечает Синица. - Меня ребята зимой вкусным сальцем подкармливали, я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодожорок и листогрызов.

Делать нечего, полетел Воробей дальше. Прилетел в лес - там Дятел стучит. Увидал Воробья - удивился:

— По какой нужде, Воробей, ко мне пожаловал?

— Да вот расчёт с меня требуют, - чирикает Воробей. - А ты, Дятел, с долгами расплачиваешься, а?

— Уж так-то, Воробей, стараюсь, - отвечает Дятел. - Лес от древоточцев и короедов берегаю. Бьюсь с ними не щадя живота своего - растолстел даже...

— Ишь ты, — задумался Воробей. - А я-то думал...

Вернулся Воробей на свою навозную кучу и говорит Вороне:

— Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отрабатывают. А я что — других хуже? Вот как начну летом птенцов своих кормить комарами да мухами, чтобы кровососы эти ребят не кусали. Мигом все долги отработаю!

Сказал так и давай снова на куче подскакивать и чирикать. Пока ещё свободное время есть, пока воробыята есть не просят.

Заячий хоровод

Мороз ещё на дворе. Но особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мёрзнет, а которое на солнце - горит. С зелёных осин капель, но капельки не долетают до земли, замерзают на лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, а теневая затянута матовым панцирем льда.

Порыжели ивняки, ольховые заросли полиловели. Днём плавятся и горят снега, ночью пощёлкивает мороз. Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют, по ночам слышно. А как хоровод водят, в темноте не видать.

Но по следам всё понять можно: шла прямая заячья тропа - от пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми снежными воротцами — и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмёрками среди берёзок, кругами-хороводами вокруг ёлочек, каруселью между кустами.

Будто закружились у зайцев головы, и пошли они петлять да путать.

Поют и пляшут: «Гу-гу-гу-гу-у! Гу-гу-гу-гу-у!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы раздвоенные трясутся!

Нипочём им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе, солнце одолевает зиму.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

О чём пела сорока?

Пригрелась сорока на мартовском солнце, глаза прижмурила, разомлела - даже крылышки приспустила.

Сидела сорока и думала. Только вот о чём она думала? Поди угадай, если она птица, а ты человек!

Будь я на её птичьем месте, я бы сейчас вот о чём думал. Дремал бы я на припёке и вспоминал бы прошедшую зиму. Метели вспоминал, морозы. Вспомнил бы, как ветер меня, сороку, над лесом бросал, как под перо задувал и крылья заламывал. Как в студёные ночи мороз стрелял, как стыли ноги и как пар от дыхания сединой покрывал чёрное перо.

Как прыгал я, сорока, по заборам, со страхом и надеждой заглядывал в окно: не выбросят ли в форточку селёдочную голову или корку хлеба?

Вспоминал бы и радовался: зима позади, и я, сорока, жив! Жив и вот на ёлке сижу, на солнце нежусь! Зиму отзимовал, весну встречаю. Длинные сытые дни и короткие тёплые ночи. Всё тёмное и тяжёлое позади, все радостное и светлое — впереди. Нет времени лучше, чем весна! Время ли сейчас дремать да носом клевать? Будь я сорокой, я бы запел!

Но тс-с! Сорока-то на ёлке поёт!

Бормочет, стрекочет, вскрикивает, пищит. Ну чудеса! Первый раз в жизни слышу песню сороки. Выходит, что птица-сорока думала про то же, про что и я, человек! Ей тоже петь захотелось.

А может, и не думала: чтобы петь, не обязательно нужно думать. Весна пришла - ну как не запеть?! Солнце-то всем светит, солнце всех греет. И не умеешь, а запоёшь!

Птичьи часы

Нашёл я часы.

Не золотые и не серебряные, не наручные, не настенные и не карманные - птичьи! Оказывается, и такие есть. И в лесу они — чуть ли не на каждом дереве. Вроде наших часов с кукушкой. Только в лесу они ещё и «с зарянкой», «с дроздом», «с зябликом».

Птицы в лесу начинают петь не когда кому вздумается, а когда им положено. Одни через столько-то минут после восхода солнца, а другие за столько-то минут до восхода. Какая птица как.

Ну-ка, сколько там сейчас не на моих серебряных, а на птичьих? И не посмотрим на этот раз, а послушаем, ведь лесные часы с боем!

Песенка за окном

Я знаю много птичьих песен. Услышу - и сразу же угадаю, кто поёт. А вот нынче не угадал.

Проснулся я рано-рано. И слышу вдруг: птичка какая-то возится за окном. Потом и голосок услышал: странный какой-то, но приятный. Будто две хрусталинки ударяются друг о друга, а между ударами просто по-воробьиному: чив, чив! Хрусталинкой — воробьём, воробьём - хрусталинкой. Да всё бойчее, всё звонче!

Перебрал в памяти все птичьи песни — не слыхал такой! А птичка за занавеской не унимается: хрусталинкой - воробьём, воробьём - хрусталинкой!

Вскочил я, занавеску отдернул: сидит на кусте воробей! И не один сидит, а с воробыхой. Да и не сидит он, а перескакивает с ветки на ветку как заводной и чирикает. А тонкие веточки от этого стукаются друг о друга и хрустально звенят. Потому звенят, что дождевая вода на них утром замёрзла сосульками.

«Чив, чив!» — воробей, «дзень, дзень!» - сосульки.

И так получается здорово и хорошо, ей-ей, не хуже, чем у заслуженных птичьих певцов — соловьёв или жаворонков. Даже воробыхя не улетает, а сидит и чистит пёрышки. И слушает.

Апрель

На всех снежных полях рыжие пятна - проталины.

День ото дня их всё больше и больше. Не успеешь и глазом моргнуть, как все эти маленькие веснушки сольются в одну большую весну.

Всю долгую зиму в лесах и полях пахло снегом. Сейчас оттаяли новые запахи. Где ползком, а где на лёгких струйках ветра понеслись они над землёй.

Чёрные пласти оттаявшей пашни, как чёрные гряды волн, пахнут землёй и ветром. В лесу пахнет прелыми листьями и нагретой корой.

Запахи сочатся отовсюду: из оттаявшей земли, сквозь первую зелёную щетинку травы, сквозь первые цветы, похожие на брызги солнца. Струйками стекают с первых клейких листочек берёз, капают вместе с берёзовым соком.

По их невидимым пахучим тропинкам торопятся к цветам первые пчёлы и мчатся первые бабочки. Зайчишки так и шмыгают носами - чуют зелёную травку!

И сам не удержишься, сунешь нос в ивовые «барашки». И станет твой нос жёлтым от липкой пыльцы.

Быстрые лесные ручьи впитали в себя запахи мхов, старой травы, лежалых листьев, тяжёлых берёзовых капель - и понесли по земле.

Запахов всё больше и больше; они всё гуще и слаще.

И станет скоро весь воздух в лесу — сплошной запах. И даже первая зелёная дымка над берёзами покажется не цветом, а запахом. И все веснушки-проталинки сольются в одну большую пахучую весну.

Глухарь

Глухарь пел прямо над головой. Снизу, в просвете еловой хвои, он был похож на чёрного гусака с вытянутой к звёздам шеей. Он глухо бормотал свои предутренние заклинания, и встороженная его бородка подрагивала от усердия. Начинал он громко, решительно, даже сердито, словно палкой по сучьям стучал - дак, дак! - но тут же спохватывался и переходил на торопливую и умоляющую скороговорку.

Всю долгую зиму, дремля ночами под снегом или ощипывая днём хвою, он ждал этого месяца песен. И дождался, и торопится высказать всё, что накопилось.

О чём бормочет глухарь? Колдует, заговаривает, камланит. И весь дрожит от избытка сил. То как дровосек постукивает топором и шаркает пилой, то как косарь отбивает косу и тут же начинает её точить: шур-шур, шур-шур. В нём бьётся жизнь!

А под ним затаилась смерть... Ведь именно так встречаются на току глухарь и охотник. Глухарь поёт, а охотник подкрадывается под песню. И стреляет тогда, когда глухарь начинает «пилить» или «точить косу», когда он уже ничего не слышит. Глухарь умирает, даже не слыша выстрела!

...Запрокинувшись в тёмное небо, глухарь всё поёт и поёт. И если сейчас прислониться к сосенке, на которой глухарь сидит, почувствуешь лёгкую дрожь - так велико напряжение песни. То вызывающее пощёлкивание, то шёпот отчаяния; песня грозит, умоляет, зовёт. Песня заговаривает и очаровывает.

Глухарь поёт и поёт. Ну и пусть поёт...

Половодье

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

- Впереди вода, позади Лиса - вот положение!

А Лиса Зайцу кричит:

- Сигай, Заяц, ко мне на бревно - не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно - поплыли вдвоём по реке. Увидела их Сорока и стрекотнула:

- Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет?!

Плыют Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

- Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки огладывать! До того вкусные, до того сочные...

- А по мне, - вздыхает Лиса, - нет ничего слаще мышек-полёвок. Не поверишь, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!

- Ага! - насторожилась Сорока. — Начинается!..

Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

- Нет на бревне вкусных мышек. Придётся тебе, Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лиса на Зайца, но бревно окунулось краем - Лиса скорей на своё место. Закричала на Сороку сердито:

- Ох и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чём не бывало:

- Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видано, чтобы Лиса с Зайцем ужились? Толкай её в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно - Заяц назад скорей. И кричит на Сороку:

- Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плыёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают. Думают, как с бревна друг друга спихнуть. Другого спихнуть, а самому уцелеть. И вдруг сразу оба додумались!

- С бревна нам не уйти?

- Не уйти.

- Когда ссоримся и дерёмся?..

- Бревно переворачивается.

- А когда тихо и мирно сидим?..

- Плыём, как на лодочке!

- Значит?..

- Значит, надо мирно сидеть. Ждать, пока бревно прибьёт к берегу. Ты, Заяц, согласен?

- Я-то давно согласен...

Поплыли Лиса и Заяц на бревне рядышком. А Сорока- склонница ни с чем улетела.

В солнечной вышине на самом пределе слуха вдруг дрогнул воздух и разнеслось журавлиное радостное «кrrру!».

Журавль из Африки прилетел на моховое болото. А на нём ещё белым-белом, только рыжие кочки проклонулись. Холодно ещё, голодно и неприятно — а журавль всё равно рад.

Флажки на болоте

Неохота вылезать из-под тёплого одеяла!

За окном сырья весенняя ночь. И без того знобит, а тут натягивай скользкие сапоги, задубелую куртку.

«Ну куда тебя несёт? - возмущается во мне нытик. — В чёрное лесное болото? Под сапогами будет хлюпать вода, засопит и зачмокает хлябь, в глаза будут тыкаться сучья...»

А бодрячок хорохорится: «Подумаешь — хлябь, первый раз, что ли? А вдруг что-нибудь и увидишь!»

«Ну что ты увидишь? - канючит нытик. — Всю весну месишь грязь; всё уже видано-перевидано. Всё расписано по минутам. В два пятьдесят заблеет бекас, в три часа прилетят косачи. В пять десять пролетит над током ворона, в пять тридцать прилетят на болото чайки. Хоть часы сверяй!»

«А вдруг?» — сопротивляется бодрячок.

«Что „вдруг“ что „вдруг“? - сердится нытик. - „Вдруг“ только в книжках бывает. А вот ноги будут в засидке мёрзнуть — чай, воды по колено. Спина замлеет, пальцы перестанут сгибаться. И уж это не вдруг, а наверняка!»

«Всё так! — вздыхает бодрячок. - И руки, и ноги, и пальцы. И замлеет спина. И чайки прилетят в половине шестого. Пошли!»

Я выхожу за дверь и долго стою, приглядываюсь к темноте. Но вот сдвигается туча и показывается луна. И сразу земля отделилась от неба. Можно идти.

Я шагаю мимо деревни. Морозит, грязь под ногами мнётся, как упругий пластилин. Луна поочерёдно вспыхивает в окнах домов, будто в них кто-то зажигает и сразу же гасит свет.

Я иду по болоту, и лунный свет теперь уже вспыхивает и гаснет в лужах. Всё как говорил нытик: и темь, и холод, и хлябь.

Бодрячок хрюплю дышит. Потом толкает меня в шалаш и прячет нос в воротник.

Два часа пятьдесят минут. Над головой заблеял бекас.

Три часа. Короткое «па-па-па!» - и рядом уселся косач.

Три часа пять минут. Слышится странное бульканье, будто воду льют из бутылки. Это косач заворковал.

Нытик зевает: «Я что говорил? Всё как всегда...»

И вдруг...

Бодрячок кричит прямо в ухо: «Ты только послушай, ты такого ещё не слыхал!»

«Тише,тише, - успокаиваю я его. - Может, тебе показалось?»

Но я уже знаю: не показалось! Слышатся звуки, которых я ещё не слыхал. Я слушаю и пишу: «з часа 30 минут. На чёрном болоте незнакомые звуки — будто быстро лопаются пузыри». Как и положено, ровно в пять десять над током пролетела ворона. Ровно в пять тридцать появились и чайки.

Но нытик уже не ехидничает.

Вода на болоте золотая от солнца. Кочки в ней как чёрные камни. И чуть не на каждой кочке — белый флаг! Непонятные белые треугольники, непонятные тихие звуки. Белые точки то появляются, то исчезают. Так умеют подмигивать солнечные зайчики. Но это не «зайчики» - это чибисы. Первый раз в жизни я вижу чибисные танцы!

Бодрячок хватает нытика за воротник: «Будешь, будешь скулить? Говорил я тебе: „А вдруг?“ То-то, Фома неверный!»

На каждой кочке - пара. До чего ж они хороши! Зелёные крылья и спинки, снежно-белые грудки и красные ножки, блестящие от росы и солнца.

Он поклонится ей, клювом сорвёт травинку и отбросит её вправо. Она сейчас же — ответный поклон, тоже сорвёт травинку, но отбросит влево. Поклон и травинка, поклон и травинка. Наверное, на счастье бросают: по всему видно, что будет у них тут гнездо.

«У-у, ку-ку-ку-ку! У-у, ку-ку-ку-ку!» — начинает петь кавалер, а сам клонится грудкой в мох, сложенные крылья ставит торчком, хвостик задирает вверх и трясёт им, как белым платочком. Над занятой кочкой поднят белый флаг.

Чибисы ждали этого дня. Хорош бы я был, если б его пропустил! Никогда б не узнал, что этот пернатый народец так занятно танцует на кочках болота.

Я тычу нытика носом в мох. Потому что новое не узнать - это хуже, чем старое позабыть. Подумаешь - старое! Оно уже всем известно. А новое - вот оно! Перед твоими глазами — в первый раз!

Лесной колобок

И хотел бы ёжик пушистым быть, так ведь съедят!

Хорошо зайцу: ноги длинные, быстрые. Или белке: чуть что — и на дерево. А у ежа ножки коротенькие, коготки тупые: ни по земле, ни по сучкам не ускакешь.

А жить и ежу охота. И вся надежда у него, у ежа, на свои колючки: выстави и надейся.

И ёжик съёживается, скучоживается, ощетинивается. И надеется. Лисица лапкой его покатает и бросит. Волк носом толкнёт, уколет нос, фыркнет и убежит. Медведь губы свесит, обдаст жаром пасти, посопит недовольно и тоже укосолапит. И хочется съесть, да колется!

А ёж полежит с запасом, потом маленечко развернётся для пробы, нос и глаза выставит, оглядится, принюхается - нет ли кого? - и укатит в другую сторону.

Тем и жив. А был бы пушистый и мягонький?

Конечно, не велико счастье — всю жизнь в колючках с головы до ног. Но иначе ежу нельзя. Хоть и хочется, а нельзя. Съедят!

Май

Грянул весёлый майский гром - всему живому языки развязал. Хлынули потоки звуков и затопили лес. Загремел в лесу май!

Зазвучало всё, что может звучать.

Бормочут хмурые молчаливые совы. Трусливые зайцы покрикивают бесстрашно и громко.

Полон лес криков, свистов, стуков и песен. Одни песенки прилетели в лес вместе с перелётными птицами из дальних стран. Другие родились здесь же, в лесу. Встретились песенки после долгой разлуки и от радости звенят от зари до зари.

А в нагретой парной чащобе, где сердито бубнит ручей, где золотые ивы загляделись в воду, где черёмуха перекинула с берега на берег белые трепетные мосты, пропищал первый комар. И белые бубенчики первых ландышей прозвучали чуть слышно...

Давно пронеслась гроза, но на берёзах с листка на листик, как со ступеньки на ступеньку, прыгают озорные дождевые капли. Повисают на кончике, дрожа от страха, и, сверкнув отчаянно, прыгают в лужу.

А в лужах лягушки ворочаются и блаженно ур-р-р-чат.

Даже перезимовавшие на земле скрюченные листья сухие ожили: то шмыгают и шуршат по земле, как мыши, то вспархивают, как табунки быстрых птиц.

Звуки со всех сторон: с полей и лесов, с неба, с воды, из-под земли.

Гремит по земле май!

Птицы весну принесли

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились - почки на деревьях набухли.

Дальше - больше. Пеночки прилетели — цветы- первоцветы зацвели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклонулись. Соловьи запели - черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку, каждый своё.

Растерявшиеся перелески

Перелески любят на солнце смотреть. Всю весну глаз с солнца не сводят. Глаза жёлтые, ресницы белые - куда солнце, туда и глаза.

Как проснутся - так глаза на восток. И весь день, как заворожённые, поворачивают головки от востока на юг, а от юга на запад. Солнце за лес - перелески ресницы смижат и спят до утра.

Весело и просто на солнце глядеть: знай только голову поворачивай.

Но однажды перелески растерялись. Солнце поднялось за тучей. В какую сторону голову поворачивать?

Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повёрнуты в разные стороны. Смотрят, смотрят, а солнца и нет.

Согнулись слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза уставились в землю. Кто подскажет - куда смотреть?

Жил-был медведь

Я его никогда не видел. Но хорошо его знал. Каждую весну я находил его задиры-метки на ёлках — свежие борозды от могучих когтей на обочине глухой лесной тропы. Такая уж у медведей повадка: выйдя весной из берлоги, они не спеша обходят свои владения и оставляют на пограничных деревьях знаки-меты: знайте, я проснулся уже, я жив и здоров, и это мой лес!

За лето борозды от когтей затекали вязкой смолой, но каждую новую весну он обновлял свои задиры, стараясь пробороздить кору как можно выше. На задние лапы для этого поднимался, на цыпочки даже привставал! Пугающие получались борозды на коре - как от железных граблей. И только-только рукой дотянуться!

Шагая весной по медвежьей тропе, я каждый раз посматривал с нетерпением: вышел ли из берлоги мой заочный знакомый, обновил ли свои задиры? Вышел уже и жив-здоров - вот его свежие борозды, вот клочья бурой звериной шерсти, влипшие в потёки смолы. Он тут спиной о кору тёрся, чтоб его дерево пограничное пахло медведем.

И хоть я ему не соперник, не конкурент и не посягаю на его участок, всё же, идя по тропе, тоже мотал на ус все его знаки и предупреждения. Большой медведь жил в этом лесу, и ухо надо держать востро!

Зимой, бывало, не раз вспоминал его, глядя на снег за окном: как-то сейчас мой знакомый, где на зиму берлогу облюбовал, спокойно ли спится ему? Не выследили ли берлогу охотники, выдюжит ли до весны? Увижу ли снова его следы?

Прошло много зим и лет, много вёсен встречал я его метки, а самого ни разу не встретил. Осторожный и хитрый был лесной стариk, не доверял человеку, стороной его обходил. Знал, что беспомощны против пули даже его железные когти. И меня он, конечно, видел много раз, но знака не подавал.

И вот снова настала весна — а меток свежих не оказалось!

Медведь исчез. Прошла весна, лето, осень — о медведе ни слуху ни духу. Если бы его другой медведь выгнал — свои бы следы оставил. Охотники бы застрелили — прошёл бы слух. Может, от старости околел?

Проходили весна за весной. Задиры старые застали, заплывали тягучей смолой, прилипшую шерсть повышали пичужки и разнесли по своим гнездам. И понял я, что никогда уже больше не встречу его следов.

Я часто хожу по той осиротелой тропе — уж который год. Но словно что-то мы потеряли: и я, и тропа, и лес. Скучнее стали тропа и лес, и скучнее стало мне. Ничего не наматываешь на ус, и ухо твоё не востро.

Но осталась память. Память о медведе, которого я никогда не видел. Но и сейчас представляю ясно, как он идёт вразвалку, урча поднимается на задние лапы и дерёт тёмную кору, завивая белые стружки. А потом поворачивается спиной и чешет о дерево холку. А жаркая пасть разинута, и в глазах отражается лес.

Жил-был когда-то в этом лесу медведь, ходил по лесной тропе...

Званный гость

Увидела Сорока Зайца — ахнула!

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой? Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званным...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя, беднягу, в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день — то день рождения. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакал. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих в нос сует: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Я их сейчас в лесу на каждом прыжке встречаю. Насмотрелся досыта. Но я смирный, говорю вежливо:

«Ишь какие колобки лопоухие!»

Что тут началось!

«Ты, — кричит, — что, окосел? Стройненьких да грациозненьких зайчаток моих колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои пороссята: тюфяки тюфяками! Барсучиха спрашивает:

«Ну как детишки мои — нравятся ли?»

Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил:

«Стройненькие, — говорю, — какие они у тебя да грациозненькие!»

«Какие-какие? — ощетинилась Барсучиха. — Сам ты, кощей, стройненький да грациозненький! И отец твой, и мать стройненькие, и бабка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш костлявый заячий род! Его в гости зовут, а он насмехается! Да за это я тебя не угощать стану, а самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие!»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Слышу, Белка с ёлки кричит:

«А моих душечек ненаглядных ты уже видел?»

«Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, что-то в глазах двоится...»

А Белка не отстаёт:

«Может, ты, Заяц, и смотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!»

«Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы я, да снизу- то мне их в гнезде-гайне не видно! А на ёлку к ним не залезть».

«Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?»

«Всякие, — отвечаю, - такие и этакие!»

Белка пуще прежнего сердится:

«Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!»

«Умные они у тебя и разумные!»

«Сама знаю».

«Самые в лесу красивые-раскрасивые!»

«Всем известно».

«Послушные-распослушные!»

«Ну, ну?!» — не унимается Белка.

«Самые-всякие, такие-разэтакие...»

«Такие-разэтакие?.. Ну, держись, косой!»

Да как кинется! Взмокреешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переведу. От голода чуть живой. И оскорблён, и побит.

- Бедный, бедный Заяц! - пожалела Сорока. - На каких уродиков тебе пришлось смотреть: зайчата, барсучата, бельчата - тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-душечек моих налюбовался! Может, завернёшь по пути? Тут рядом совсем.

Вздрогнул Заяц от слов таких да как даст стрекача!

Звали его потом в гости лоси, косули, выдры, лисицы, но Заяц к ним ни ногой!

Горячая пора

Настала пора гнездо выстилать. Теперь каждое пёрышко на счету, всякая шерстинка в цене. Из-за иной соломинки целая драка.

И вот видит воробей: скачет по земле большущий клок ваты!

Ну, если бы он лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай. Но клок не лежит, а скачет по земле, как живой!

Воробьи даже клювы разинули от удивления.

Вот клок ваты вспорхнул вверх и сел на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Потом поёрзал-поёрзал, да как подскочит, да как полетит! И летит как-то смешно: ровно-ровно, словно по ниточке, как слепой. Да сослепу- то, со всего-то разгона - бряк о телеграфный столб! И вывалился тут из клока ваты... воробей.

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле скакала, не сама по воздуху летала: воробей её тащил. Такой клок ухватил - больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил, да закрыла ему вата весь белый свет. Бросить жалко, а куда тащить - не видно. Вот и наткнулся на столб - нос расшиб и вату обронил. Другие воробьи сразу её утащили. Прямо из-под разбитого носа!

Новый голосок

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже попискивало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилось бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочки. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос - это и рот. Рот раскрылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг в яйце светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытое жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок уёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло, крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвётся на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистенький колобок.

Лисьи игрушки

Спешу к оврагу, где лисью нору вчера нашёл. Перед норой светлел песчаный бугор, затоптанный лисьими лапами. На бугре валялось вальдшнепиное крыльышко. Вот какой изысканной дичью кормила злодейка своих лисят!

Сползаю в овраг. Вот нора, вот бугор - и снова вальдшнепиное крыльышко! Ишь, чревоугодники, нет чтобы лопать мышей и крыс, подавай им дичь королевскую! Ох, не доведёт лисят до добра такая избалованность. Назавтра снова крыло, через день - опять. Но я уже не сердился: я догадался, что крыльышко-то это одно и то же! Я ниткой его пометил, вот она, моя красная нитка.

Выходит, не такие уж лисята и привереды, как мне показалось. Кормят их чем придётся. И похоже, не очень-то сытно: у норы никаких остатков - ни птичье ножки, ни мышиного хвостика. Дочиста всё съедают. А всё равно какие-то тощие, голенастые. И непонятно: зачем им, голодным, беречь это затрёпанное крыло?

До света устроился я у норы.

Лисицы у норы не было: то ли ушла на охоту, то ли ещё не вернулась. Лисятам скучно одним в норе, натощак не спится и не сидится. И вот самый храбрый не утерпел и высунул нос наружу. За носом заблестели прищуренные глаза. Страшновато, конечно, первому, да была не была! Выскочил на бугор, напрягся пружинкой, чуть что - и метнётся в нору. Но листья перешёптываются спокойно, шмель басит сонно, солнышко греет ласково. Лисёнок пошёл вприсочку, разминая затёкшие лапки. А из норы, как горох из мешка, высыпали остальные лисята.

И началось-покатилось! Каруселью один за другим, зубами за лапы и за хвосты. Сцепились клубком - куча мала! Засиделись в норе лисята.

И вдруг заметили брошенное крыло. То никому оно было не нужно, то подавай сразу всем. Кинулись вперегонки. Самый храбрый первым схватил и запрокинул мордочку вверх. Другие кинулись на него.

И снова куча мала!

Вот она и разгадка: крыло-то это не просто крыло, а лисья игрушка!

Крыло как мячик - его подбрасывали и ловили. Крыло тянули в разные стороны — «перетягивали канат». Крыло - и скакалка, и палочка-выручалочка. Крыло прятали и искали, как это делается при игре в «холодно-жарко». С такой игрушкой не только про скуку, но и про голод можно забыть!

В конце концов игрушку, конечно, сломали, растрепали её до перышка. Даже нитки моей не оставили. А я-то хотел его забрать, показать дома лесную игрушку.

Но лисята скучали недолго. Лиса принесла им новую забаву - мягкую заячью лапку. И лисята играли с ней, пока не выросли и не ушли из норы. Вот она, эта лисья игрушка, я теперь ею пыль со стола сметаю.

Звонкое и весёлое это время — весна. Даже самое её безлистное начало, когда на солнце плачут сосульки. Много любопытного подметил весенней порой в лесу и в поле известный натуралист Николай Иванович Сладков. Подметил и описал для тех, кто любит живую природу.

Орлов В.Н. «Дом под крышей голубой»

Словно крыша над землёю,
Голубые небеса.
А под крышей голубою –
Реки, горы и леса.
Океаны, пароходы,
И поляны, и цветы,
Страны все, и все народы,
И, конечно, я и ты.
Кружит в небе голубом
Наш огромный круглый дом.
Под одною голубою,
Общей крышей мы живём.
Дом под крышей голубой
И просторный и большой.
В этом доме мы соседи
И хозяева с тобой.
Вместе мы с тобой в ответе
За чудесное жильё.
Потому, что на планете
Всё твоё и всё моё:
И пушистые снежинки,
И река, и облака,
И тропинки, и травинки,
И вода из родника.
Дом кружится возле солнца,
Чтобы было нам тепло,
Чтобы каждое оконце
Осветить оно могло.
Чтобы жили мы на свете,
Не ругаясь, не грозя,
Как хорошие соседи
Или добрые друзья.

Пограничник

Пограничники

С. Маршак

На ветвях заснули птицы,
Звёзды в небе не горят.
Притаился у границы
Пограничников отряд.
Пограничники не дремлют
У родного рубежа:
Наше море,
Нашу землю
Наше небо сторожат.

С.Я. Маршак «Откуда стол пришёл»

Берете книгу и тетрадь,
Садитесь вы за стол.
А вы могли бы рассказать,
Откуда стол пришел?
Недаром пахнет он сосновой.
Пришел он из глуши лесной.
Вот этот стол — сосновый
стол —
К нам из лесу пришел.
Пришел он из глуши лесной —
Он сам когда-то был сосновой.
Сочилась из его ствола
Прозрачная смола.
У нас под ним — паркетный
пол,
А там была земля.
Он много лет в лесу провел,
Ветвями шевеля.
Он был в чешуйчатой коре,
А меж его корней
Барсук храл в своей норе
До первых вешних дней.
Видал он белку, этот стол.
Она карабкалась на ствол,
Царапая кору.
Он на ветвях качал галчат
И слышал, как они кричат,
Проснувшись поутру.
Но вот горячая пила
Глубоко в ствол его вошла.
Вздохнул он — и упал...

И в лесопилке над рекой
Он стал бревном, он стал
доской.
Потом в столярной мастерской
Четвероногим стал.
Он вышел из рабочих рук,
Устойчив и широк.
Где был на нем рогатый сук,
Виднеется глазок.
Домашним жителем он стал,
Стоит он у стены.
Теперь барсук бы не узнал
Родной своей сосны.
Медведь бы в логово залез,
Лису объял бы страх,
Когда бы стол явился в лес
На четырех ногах!..
Но в лес он больше не пойдет -
Он с нами будет жить.
День изо дня, из года в год
Он будет нам служить.
Стоит чернильница на нем,
Лежит на нем тетрадь.
За ним работать будем днем,
А вечером — читать.
На нем чертеж я разложу,
Когда пора придет,
Чтобы потом по чертежу
Построить самолет.

Сказка про стол и стул

Надежда Куликова

Раньше столов не было. И стульев не было. Потому что это их еще не придумали. И все кушали, кто как мог придумать. Один садился со своей тарелкой на пол. Второй ставил ее на подоконник. Третий вообще шел со своим обедом в парк, чтобы там покушать на лавочке.

И всем было неудобно. Потому что если сядешь на пол, то суп можно разлить прямо на ковер, и здесь же остаются хлебные крошки. Если обед поставить на подоконник, то кушать тоже неудобно – приходится за каждой ложкой подпрыгивать. А в парк идти обедать совсем плохо. По дороге вся еда остывает. А если идет дождь или снег?

Представляете, пока донесешь свою тарелку до парка – в ней уже горка снега. И тогда один дядя решил для своей дочки придумать стол и стул. Он пошел в лес, срубил дерево, принес его домой. Дома распилил на доски, и из них сколотил стол и стул. Посадил дочку на стул, придвинул к столу. Ну и красота.

У девочки ножки оказались под столом, ручки на столе. И когда перед ней ставили тарелочку с супом, его было очень удобно кушать.

Как-то один раз пришли к этому дяде его друзья домой. Увидели стол и стул, спрашивают:

- А что это такое? На чем это твоя дочка сидит?

- А-а, - отвечает папа, - это я для своей дочки придумал такие стол и стул, чтобы удобно было кушать. Она теперь здесь и завтракает, и обедает, и ужинает, и даже молочко на полдник пьет.

Друзья этого дяди восхитились и говорят:

- Слушай, нам тоже такие надо. А то мы уже не знаем, как наших детей кормить. И на пол тарелки ставили – только ковер запачкали. И на подоконник ставили. Так прыгали, прыгали, пока икать не стали. И даже в парк ходили – расплескали все по дороге, так и не пообедали.

Дядя говорит:

- Ну, хорошо, хорошо, я вам сделаю такие же столы и стулья для ваших деток. Только у меня дерева больше нет. Вы пойдите в лес, и принесите мне по дереву.

Друзья пошли, каждый срубил по дереву. Принесли. И дядя сделал всем деткам столы и стулья. И всем стало удобно кушать.

А потом мама этой девочки стала замечать, что сильно уж крутится дочка на стульчике. То ножку подогнет, то на корточки усядется, то на коленки встанет. Мама сначала по-доброму ее просила сесть спокойно, потом прикрикнула, а потом поняла, что просто на твердом стульчике сидеть дочке неудобно. И решила мама сшить ей специальную мягкую накидку.

Пошла мама в магазин, купила там ткани, поролона, ниток, пуговиц, ленточек, резиночек. И принялась на машинке шить накидку. Сшила красивую-прекрасивую, мягкую-премягкую. Повязала на сиденье стульчика, и попросила дочку присесть. Ну и красота же. Можно теперь сколько хочешь сидеть, и ни спинка, ни ножки уставать не будут.

А потом пришли к маме подруги, посмотрели и спрашивают:

- А что это такое лежит на стульчике у твоей дочки? Что она – подушку туда положила? Или кофточку яркую?

- Нет, - отвечает мама, - это я ей такую специальную накидку сшила, чтобы ей удобно

сидеть было, а то она все крутилась, все вертелась.

- Слушай, нам тоже такие надо, - говорят подружки. А то наши детки как только не сидят на своих стульчиках. То ножку подогнут, то на коленки станут, то раскачиваться примутся.

- Хорошо, хорошо, - говорит мама, - я сошью вам такие же. Только у меня ткани нет. Вы сходите в магазин, и купите, кому какая понравится.

Пошли подруги в магазин, накупили разных тканей. Кто в горошек, кто в полосочку, кто в цветочек, кто в сердечки. И мама всем сшила мягкие накидки. И с тех пор все детки стали хорошо кушать. Но это давно было – они уже выросли, стали большие, сильные, взрослые. А за столами и со стульями теперь все кушают.

«Солдатская загадка» (из сборника А.Н. Афанасьева)

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзыается:

— Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету.

А у ней в печи был варёный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздёргал воз со снопами, воротился в избу и говорит:

— Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест.

Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток^[2], а петуха в суму спрятали. Пришла старуха:

— Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!

Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили:

— Дай же, бабушка, поесть нам!

— Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!

И вздумала старуха похвалиться, что провела^[3] их, и заганула им загадку:

— А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?

— Нет, бабушка!

— А кто же, детоньки, вместо его?

— Да Липан Липанович^[4].

— А где же Курухан Куруханович?

— Да в Сумин город переведён, бабушка.

После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему:

— Поди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то.

— Да какую ты, матушка, заганула им загадку?

— А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отгнули. «Нет, бают,

бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, что у меня в горшке-то есть!

Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила.

— Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!

— То-то, матушка! Солдата не проведёшь, он — человек бывалый.

Ф.И. Тютчев «Весенняя гроза»

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

